

Анатолий Аврутин

КРАСНОЗВУЧНАЯ РУСЬ

* * *

Здесь какие могут быть лекарства,
Если не поймём который век:
Где – страна, и что в ней – государство?
Где – народ?.. И что в нём – человек?

Если всё туманней с каждым годом
Тот рубеж под чёрною луной,
Где толпа становится народом,
Где народ становится толпой.

Всё молве внимаем с укоризной,
Но не растолкует нам молва,
Почему всегда права Отчизна,
А страна так часто не права?

И в какую б звонкую оправу
Не рядили горькую вино,
Но свершенья – это про Державу,
А голодоморы – про страну...

Пусть сто тысяч раз солгут бумаги,
Сущность на поверхности лежит –
Государство корчится в ГУЛАГе,
А Держава по небу летит.

* * *

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.

Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув леденящую белизну,
Через силу взберусь на пригорок –
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну –
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой –
Злой предвестницы чёрных разлук,
Всё мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая неволью
На исходе пропащего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

* * *

Русский – прилагательное, слышали?
То, что прилагается к добру,
К радуге над мокнущими крышами,
Без которой вздрогну и умру.

Русский – прилагательное... Тихое...
На вопрос отвечает: «Какой?»
И кружатся аист с аистихою,
И над Храмом лучик золотой.

Русский – прилагательное... Чуткое...
Что не знает каменных палат,
Но всегда соседствует с побудкою,
Если вдруг тревогу протрубят.

Русский – прилагательное... Странности
Всех грамматик мира одолев,

Русские давно привыкли к данности:
Кровь за кровь, но песню – нараспев.

Не дождавшись божьего пришествия,
Не страшась, что ворог зол и лют,
Эти «прилагательные» шествуют,
Женщин любят, плачут и поют...

Недругам – всегда падеж винительный,
И ломоть последний – для своих.
Ничего не знаю существительней
Этих «прилагательных» родных.

* * *

Вначале шагал я несмело,
Но, делаясь снега белей,
Мне матушка песню пропела,
И враз зашагалось смелей.

Искрили полуночью звёзды,
Кричал полоумный петух...
Мне матушка пела... И воздух
Сиял и светился вокруг.

Лез в драку... Но только за дело.
«Ты прав, но старайся без драк...» –
Мне матушка будто пропела,
Примочку кладя на синяк.

Сменялись за зорькою зорька,
Свой след оставляя в душе.
Мне матушка пела... И горько
Не так становилось уже.

И прежде, чем брненное тело
Навек вознести в небеси,
Мне матушка песню пропела:
«И больше, сынок, не проси...»

Напрасно молю я: «Воскресни!..»,
Бессильно упав на траву,

Не зная – без маминой песни
Живу или нет, не живу?

* * *

Ночь, улица, фонарь, аптека...
Александр Блок

Дважды, трижды в ту же реку,
Прошное огромню.
Помню улицу, аптеку,
Фонаря не помню.

Всё-то в памяти короткой
Марьи да Иваны.
Помню очередь за водкой,
Но не помню пьяных.

И ясней с годами вижу
Лишь добро да милость.
Помню, как латали крышу,
Как текла – забылось.

Годы быстро пролетели,
Все углы излазил.
Помню белые метели,
Но не помню грязи.

Видно, помнить не зазорно
В мире очумелом
Вместо белого на чёрном –
Чёрное на белом.

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Гляжу остывающим взглядом
На дымчатость этих полей,
Звезду над заброшенным садом,
Старуху, что смерти белей.
Впускаю, хрипя, в альвеолы
Засушливых дней аромат,

Где деревце около школы,
Кустов цепенеющий ряд
Всё тянется мимо забора,
На ветки тоску наколов...
Крикливость вороньего хора,
Заброшенность старых дворов,
Где только верёвка с бельишком
Подскажет – здесь кто-то живёт.
Потом узкоглазый мальчишка,
Чуть выпятив смуглый живот,
Запустит струю... И рубаха
Сползёт в желтоватую грязь.
Он что-то шепнёт про Аллаха,
Добавит, что русские – мразь...
Его не одёрнут – иные
Заботы у ближних его.
Пусть с Богом граничит Россия,
Живущим здесь не до того.
Они всё глядят на дорогу,
Где утлый автобус заглох,
Подвластные смерти и Богу.
А Бог?.. Не торопится Бог...

* * *

Как сладко не помнить учёных теорий
И верить, что атлас привычно солгал,
И Припять впадает в Каспийское море,
И Днепр воду питает Байкал...

А Волга, извечно вольна и широка,
Под Минском течение меняет на Брест,
Где лебеди не улетают до срока,
Тревожно срываясь с насиженных мест.

И Бородино где-то под Молодечно,
От «Линии Сталина» недалеке.
И в Несвижский замок туристы беспечно
Спешат... Он прекрасен на Каме-реке.

С крылечка сбежишь, а вокруг Подмоскovie,
Хоть с минской квартиры я не уезжал...
Всё просто, ведь связаны больше, чем кровью
И гомельский, и Белорусский вокзал.

И пусть буквоеды глядят с укоризной.
Надменно похлопав меня по плечу,
Я с детства запомнил – всё это Отчизна,
Про карты и атласы знать не хочу.

* * *

Дышится, боженька, путь не кончается.
Тропка к дороженьке – Русь получается.

Мрачная-мрачная, стылая-стылая.
Часто – барачная, но не постылая.

Над закоулками поздно смеркается.
Гулкая-гулкая Русь получается.

Пусть одинокая, но ясноглазая.
Поле широкое... Даль с перелазами.

Вороги бесятся? Пусть им икается.
Где перекрестятся – Русь получается.

С птахою певчею, с песней забытою.
С дверью, доверчиво людям открытою.

Сколько ни мучили, всё не склоняется,
Всё красноречивая Русь получается.

* * *

Вослед за солнцем года умчали,
Плоды с деревьев опали глухо...
Зато примчали мои печали,
Слова шепнуть для поддержки духа.
А на веранде, в немодной шали,
Неспешно вяжет носки старуха.

Неспешно... Не суетливы спицы.
Слегка движенья морщинят шею.
«Свяжу... Им за зиму не сноситься...
Свяжу... И вскорости заболею...
Спина немеет, не слышит ухо...»
Неспешно вяжет носки старуха.

Жалее: «Осенью не успела.
Хворала... Были ещё тревоги.
Душа и тело тогда болело,
А нынче только душа и ноги...»
А на веранде тепло и сухо.
Неспешно вяжет носки старуха.

Устали пальца... И в белой саже
Стекло... Снег цедится, как сквозь сито.
Старуха вяжет... Хоть вправду – даже
Носочки некому и носить-то...
В дому она да петух Петруха...
Неспешно вяжет носки старуха.

* * *

От смущенья бледна, под грачиные долгие крики,
Приходила одна, приносила ведро земляники.

Улыбалась порой, а порою была Несмеяной.
Понял – нету второй, вот такой же, немножечко странной.

Всё глядела сквозь тишь, сквозь меня непокорно глядела.
Повторяла: «Шалишь! Не отведаешь белого тела...»

Было так горячо, так небесно, так сладостно было.
И светило плечо – сквозь кромешную темень светило.

Как стрелы острії, это белое тело звучало ...
Даже имя своё на прощание не прокричала.

Кожу мне обожгла... Облик свой унесла светлоликий.
Робкий свет из угла... Сладкий привкус лесной земляники.

День клонился к печали,
К неизбывной вине.
Птицы долго кричали
На другой стороне.

Замирали... И снова
Из прогорклой дали
Тяжело и сурово
Крики длинные шли.

Понимал я едва ли,
Что творится со мной.
Птицы долго кричали,
Я прошёл стороной.

Эти длинные крики,
Эта гулкая тишь,
Где с листком повилики
У моста постоишь.

А потом, на вокзале,
Вспомнишь с болью вдвойне –
Птицы долго кричали
На другой стороне.

И прорежется что-то
Сквозь годов забытьё.
Вспомнишь старое фото,
Вспомнишь имя своё...

А всего лишь вначале,
Жизнь напомнив вчерне,
Птицы долго кричали
На другой стороне.

Мальчик нежный, мальчик мой кудрявый,
Ты всё вдаль мучительно глядишь.
У тебя от бренности и славы
Лишь одна раздумчивая тишь.

У тебя остался гул трамвая,
Чей-то шёпот, визги тормозов.
Ты глядишь в окно, не понимая
Бренной жизни истинных азов.

И тебе всё чудится – далече,
Где видна разлука на просвет,
Золотисто падает на плечи
Тихий отсвет звёздных эполет.

Ты подумай просто, милый, где ты,
Если время близится к шести,
И какие нынче эполеты,
Если и погоны не в чести?

Ты заметил, милый, где-то близко,
По безлюдью... Смело... До угла,
Не вещунья и не одалиска –
В платье белом женщина прошла?

А куда она?.. Какое дело
Мальчику, глядящему в окно,
До её волнительного тела?..
Мальчикам не всё разрешено.

Звёздный воздух пахнет медуницей,
И разлукой тянет из дверей.
Ты гляди, пока тебе глядится,
И робей, мой милый, и робей...

Другое ли?.. Здесь всё сейчас другое.
Другими стали мысли о покое,
Другими стали речь и широта.
Но всё-таки ещё покуда длится
Загадочность, что в женщине таится,
И складка у измученного рта.

Другая ли?.. Да ты давно другая.
Глядишься в дождь, печали потакая,
Перебираешь мелочь в кошельке...
Другая стать, другой наклон фигуры...
Ты на меня глядишь, как с верхотуры,
Чтоб следом раствориться вдалеке.

Другие мы?.. Конечно же, другие.
Куда-то сплыли годы молодые,
Когда в моей руке – твоя рука,
И два карандаша в одном пенале...
Мы в зеркала глядим, как в Зазеркалье,
Не сознавая истины пока.

Шепнуть словцо?.. Давно всё отшепталось,
Но складочка знакомая осталась,
Та самая – от горечи и слёз.
Тень от крыла... Неясный отсвет звука...
В разрезе глаз – немыслимая мука,
Что ветер века в дали не унёс.

Ещё живём... Глядим... Куда-то ходим.
Ещё порою в мыслях колобродим,
А после с грустью в зеркало глядим.
Там рядышком, уже почти полвека,
Стоят-глядят два грустных человека...
А там стекло... И ничего за ним.

ОТПУСК

Стремясь в светящийся зенит, в прозрачной тишине,
Журавлик тихо пролетит, не зная обо мне.

А я живу себе, живу – неделю без проблем.
Ложусь на колкую траву, с куста крыжовник ем.

Кошусь на злящихся гусей, шиплю на гусака,
Гляжу на образ жизни сей немного свысока.

Являю свой довольный вид родимой стороне.
...Журавлик в небесах летит, не зная обо мне.

Я вслед ему махну рукой, крылом он не махнёт.
Меня ни отдых, ни покой не вознесут в полёт.

Живу неделю без проблем, и жизнь моя пуста.
Всего-то дел – крыжовник ем с колючего куста.

Неделю целую подряд, ленивые на вид,
Гусыни на меня шипят... И женщина шипит...

Я с женщиной всегда несмел... А где-то в вышине
Журавлик тихо пролетел, не зная обо мне.